

УДК 81-114

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РАБОТА» В ПЬЕСАХ А.П. ЧЕХОВА

© 2010 г.

Н.Н. Лаерова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

slavc@mail.ru

Поступила в редакцию 30.08.2010

Рассматривается взаимоотношение концептов «работа» и «жизнь» в пьесах А.П. Чехова, важность этих понятий для восприятия концептуальной информации текстов чеховских произведений.

Ключевые слова: концепт, семантическое поле, лексическое выражение концепта, концептуальная информация.

В книге «Русский апокалипсис» известный литературовед В.В. Ерофеев назвал А.П. Чехова «певцом ничтожности человеческой жизни» [1, с. 81]. Определение, мягко говоря, не вполне уважительное по отношению к большому писателю, поскольку переносное значение слова «певец» – ‘тот, кто воспевает, прославляет кого-либо или что-либо’ а Чехов явно не «прославляет» *ничтожность*. В одном из своих писем к А.Н. Плещееву он признавался: «Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах. Моё святое святых – это человеческое тело, здоровье, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чём бы последние две ни выражались» [7, с. 263]. Жизнь становится никчёмной, если у человека нет «таланта», «вдохновения», которые он реализует в своей деятельности, – эта мысль в той или иной степени пронизывает лучшие пьесы А.П. Чехова: «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишнёвый сад».

Сами понятия ‘жизнь’ и ‘работа, труд, дело’ взаимосвязаны, т.к. полисемант *жизнь* в одном из своих значений – это «деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях» [4, т. 1 с. 485]; *работа* – это «деятельность, занятие, труд» [4, т. III, с. 575], *труд* – «целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа» [4, т. IV, с. 417], *дело* (в первом значении) – «работа, занятие, деятельность» [4, т. 1 с. 382]. Все вышеуказанные слова выражают концепт, т.е. единицу мышления, отражающую фрагмент действительности, явление и несущую информацию об «отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [3, с. 34.]. Для русского национального сознания концепт ‘деятельность’, вербализованный в лексемах ‘*работа, труд, дело*’, имеет ценностную составляющую, что находит отражение в много-

численных пословицах и поговорках (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, Терпение и труд всё перетрут, Делу – время, потехе – час* и т.п.). Показательно, что «работа» в сознании русского человека некогда отличалась от «труда» тем, что выполнялась по обязанности (первоначально это «подневольный и тяжкий труд раба»), а «труд» – это напряжённая и длительная творческая «деятельность, которая утомляет человека не физически, а скорее эмоционально» [2, с. 84]. Отсюда и устойчивые выражения типа *Работа не волк, в лес не убежит, От работы кони дохнут, Работа дураков любит*. Именно о работе чаще говорят действующие лица пьесы А.П. Чехова «Иванов», хотя концепт этот выражается разными средствами.

Н.А. Иванов – землевладелец, у которого «тысяча десятин земли – и ни гроша в кармане» [6, с. 21]. О своей работе он вспоминает в связи с жалованием, когда ему напоминают, что надо рассчитаться с рабочими и требуют денег: «*Иванов. У меня нет <...> Подождите до первого числа, когда жалование получу*» [6, с. 21]. Он не вникает в хозяйственные дела, полностью передоверив управление имением своему дальнему родственнику Боркину, который неоднократно упрекает Иванова: «И сами ничего не делаете, и меня связываете. Оттого у нас и денег нет» [6, с. 23]. Денег нет и на лечение в Крыму тяжело больной жены («Чтобы ехать в Крым, нужны средства» [6, с. 25]), не оплачиваются визиты доктора Львова, искренне обеспокоенного состоянием здоровья Анны Петровны («Мало того, что ни копейки не платят, но ещё душу выворачивают вверх дном!» [6, с. 34]. «Денежную проблему» герой пытается решить наипростейшим путём – «что бы ещё продать?» («овёс на корню продал» – с. 21), а не с помощью напряжённого труда. Он, как сторонний наблюдатель, констатирует: «Имение идёт пра-

хом, леса трещат под топором. Земля моя глядит на меня, как сирота» [6, с. 63]. Между тем у Иванова было и совсем иное отношение к работе: «Прежде я много работал и много думал, но никогда не утомлялся <...>» [6, с. 48]. Работа Иванова была, по-видимому, связана с устройством «всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ» [6, с. 28], и когда он начинал «говорить о чём-нибудь горячо», то способен был заечь и других. Он так вспоминает о недавнем прошлом: «Еще года нет, как был здоров и силён, был бодр, неутомим, работал этими самыми руками, <...> умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло. Я знал, что такое вдохновение, знал прелесть и поэзию тихих ночей, когда от зари до зари сидишь за рабочим столом <...>» [6, с. 63]. И главное: «Я веровал, в будущее глядел, как в глаза родной матери» (там же).

Если рассмотреть все контексты, в которых употребляются лексемы *работа – работатъ*, то выстроится следующее семантическое поле лексемы, вербализующей концепт ‘работа’: *сила, здоровье, неутомимость, горячность, вдохновение, сострадание, вера; деньги*. В лексических значениях слов *здоровье, сила, неутомимость* содержатся те ядерные семы, которые являются периферийными в семантической структуре лексемы «работа»: 1) ‘полное физическое и психическое благополучие организма’ (то, без чего невозможно работать); 2) ‘возможность активно действовать’; 3) ‘источник энергии’. Не менее важна и ядерная сема лексемы *вдохновение* – ‘творческий подъем’, ‘стремление к созиданию’ – это то, что свойственно не просто работе, а труду. *Сострадание* – ‘сочувствие, испытываемое к кому-либо’ – нередко является мотивом деятельности человека. Наконец, *вера* – убежденность в чём-либо; применительно к работе это убежденность в необходимости своей деятельности, в её полезности. Что касается лексемы *деньги*, с её семой ‘материальное вознаграждение за работу’, то она занимает особое место в рассматриваемом ассоциативном поле, поскольку «деньги» связаны с «предпринимательством», а, как отмечает Ю.С. Степанов, в русском менталитете, в русском национальном характере заложено «нежадное» отношение к деньгам, «нестяжательство» [5, с. 565].

Лексема «работа» вступает в антонимические отношения со словом «безделье», которое неоднократно встречается в тексте пьесы («<...> в безделье провожу дни и ночи» [6, с. 63]). Разочаровавшись в работе, Иванов стал другим человеком: «Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде...», – пытается оправдать

Иванова жена [6, с. 34]. Однако Иванов не скрывает своего отвращения к дому: «Дома мне мучительно тяжело! Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю. <...> Здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там ещё хуже; вернёшься оттуда, а здесь опять тоска [6, с. 31]. «Мой дом мне опротивел, и жить в нём для меня хуже пытки <...> Приехал я вот к вам развлечься, но мне скучно и у вас, и опять меня тянет домой». [6, с. 48]. Былой *силе* и *неутомимости* противопоставляются *слабость* («Откуда во мне эта слабость?») [6, с. 64] и *утомление* («<...> я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление [6, с. 26]. Вместо *вдохновения* – тоска, «клевета на жизнь», «отвращение к жизни», «душевная лень [6, с. 81].

Причина той резкой перемены, которая произошла с Ивановым, – утрата веры. Он, «не зная жизни, взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы», но иначе он не мог поступить: «Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много! И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которой я боролся! Надорвался я!» [6, с. 83–84]. Не случайно Иванов советует Львову строить всю жизнь «по шаблону», запереться «в свою раковину» и делать «своё маленькое, Богом данное дело» [6, с. 28]. Примечательно употребление словосочетания «маленькое дело», контекстуально противопоставленное слову «труд». Это слово произносит Саша, которая «задалась целью во что бы то ни стало воскресить [в Иванове] человека» [6, с. 82]. Она рассуждает о «деятельной любви»: «Мужчины заняты делом, и потому у них любовь на третьем плане. <...> А у нас любовь – это жизнь <...> Для меня, например, было бы большим счастьем всю ночь бумаги твои переписывать <...> Чем больше труда, тем любовь лучше, то есть она, понимаешь ли, сильнее чувствуется» [6, с. 69]. Труд – это большая духовная работа, а Иванову «кажется, что любовь – вздор», что «в труде нет смысла» [6, с. 84]. Такая жизненная позиция означает нравственную смерть, за которой неизбежно следует смерть физическая.

А.П. Чехов так объясняет самоубийство героя пьесы: жизнь предъявляет ему «свои требования», но «такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью» [7, с. 320], проявляя «чисто русские черты», среди которых «чрезмерная возбудимость» и «утомляемость» [7, с. 324].

Образу Н. Иванова близок образ Константина Треплева (пьеса «Чайка»), который, как Ива-

нов, добровольно уходит из жизни, «падая под тяжестью» нерешённых вопросов. Главный из них – самореализация как творческой личности. Будучи вполне взрослым мужчиной (ему 25 лет), он, как и Н. Иванов, живёт в деревне – «в глуши, без денег, без положения, без будущего. Никаких занятий. Стыдится и боится своей праздности» [6, с. 232]. Он плохо одет, и дядя вынужден просить Аркадину, чтобы она купила сыну костюм. У читателя (зрителя) возникает сравнение Треплева с учителем Медведенко (вероятно, немногим старше Треплева), который получает 23 рубля в месяц и содержит мать, двух сестёр и брата. Закономерно пожелание Аркадиной в адрес сына: «Служить бы ему» [6, с. 258].

Треплев видит в себе талант писателя («Я талантливее всех вас, коли на то пошло» [6, с. 261], много рассуждает о новых формах искусства: «Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» [6, с. 232]. Не признаёт «современного театра», который любит и в котором служит его мать, при этом не замечает, что успех ей даётся благодаря труду. Пребывание в деревне для неё кратковременный скучный отдых: «Ах, что может быть скучнее этой вот милой деревенской скуки! <...> никто ничего не делает, все философствуют. <...> Хорошо с вами, друзья, <...> но сидеть у себя в номере и учить роль – куда лучше!» [6, с. 247]. Работа для Аркадиной – это продление молодости, это сама жизнь: «<...> я работаю, я чувствую, я постоянно в суете» [6, с. 244]. Треплев полагает, что труд писателя основан на вдохновении: «Пьеса не понравилась, вы презираете моё вдохновение», – говорит он Нине [6, с. 251]. И Нина, только ещё мечтающая о творческой работе, тоже связывает её с вдохновением и с известностью: «За такое счастье, как быть писательницей или актрисой, я перенесла бы нелюбовь близких, нужду, разочарование <...>, но зато бы уж я потребовала славы ... настоящей, шумной славы» [6, с. 255]. Нина не вполне верит Тригорину, объясняющему ей, что творческая работа – это ‘внутренняя потребность’, ‘неотвязчивая мысль’, собирание фактов («сюжет для небольшого рассказа»): «Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. <...> Когда кончаю работу <...>, тут бы и отдохнуть, забыться, ан нет, в голове уже ворочается тяжёлое чугунное ядро – новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать» [6, с. 252]. Творческая работа предполагает ‘неудовлетворённость’, т.е. критическое отношение к сделанному: «Хуже всего, что я в каком-то чаду» и «в конце концов чувствую,

что я умею писать только пейзажи» [6, с. 254]. «Корректуру читать приятно, – признаётся Тригорин, – но едва вышло из печати, как я не выношу и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не следовало бы писать вовсе» [6, с. 255].

Такие «муки творчества» придут к Константину Треплеву тогда, когда он многое испытает и поймёт, что «дело не в старых и не в новых формах», а в том, что человек пишет, «потому что это свободно льётся из его души» [6, с. 278]. Свою творческую несостоятельность Треплев связывает с одиночеством: «Я не согрет ничьей привязанностью, мне холодно <...> и, что бы я ни писал, всё это сухо, чёрство, мрачно» [6, с. 279]. Сам А.П. Чехов не разделяет эту позицию, противопоставляя мучительный путь становления Нины как актрисы с неудачей Треплева. Нина, покинутая Тригориним, «мало-помалу перестала верить и пала духом» [6, с. 280]. Но, пережив унижение, нищету, оставаясь одинокой, она постепенно обрела два важнейших для человека качества – терпение и способность верить: «Теперь я понимаю, что в нашем деле <...> главное не слава, не блеск, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своём призвании, то не боюсь жизни» [6, с. 280]. В ответ на это Треплев замечает: «Я не верую и не знаю, в чём моё призвание» [6, с. 281]. Отсутствие веры, непонимание собственного предназначения приводит героя пьесы к трагическому концу.

Таким образом, А.П. Чехов еще раз показывает, что работа (особенно творческая) невозможна без веры и терпения, а без работы, связанной с духовностью, жизнь теряет смысл.

Отношение А.П. Чехова к жизни в какой-то степени выражает доктор Астров, который проносит афористичную фразу: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа и мысли». Астров видит в окружающей его действительности много негативного: «Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна» [6, с. 284]. Он признаётся: «Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь уездную, обывательскую, терпеть не могу и презираю её всеми силами моей души» [6, с. 303]. Сущность обывательской жизни раскрывается Чеховым в пьесе «Три сестры»: «Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны»; все «только едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством» [6, с. 395]. Именно такой образ жизни отвергается М.Л. Астровым: «Праздная жизнь не может быть чистой» [6, с. 303].

Сам Астров работает, «как никто в уезде» (там же), едет к больному в любое время суток, не может забыть о стрелочнике, который умер у него на операционном столе несколько месяцев назад. Но, кроме врачевания, у него есть ещё одно важное дело: он «каждый год сажает новые леса» и «хлопочет, чтобы не истребляли старых», потому что «леса украшают землю», «учат человека понимать прекрасное» [6, с. 291]. Астров говорит, что «леса смягчают суровый климат», а там, где мягкий климат, сам человек становится «мягче и нежнее», «там люди красивы», у них «процветают науки и искусства», «отношения к женщине полны изящного благородства» [6, с. 292]. Очевидно, что слово «климат» используется в прямом и переносном значении: сначала – как «многолетний режим погоды, свойственный той или иной местности на Земле», но тут же включается и второе значение: «обстановка, условия существования чего-либо». Соответственно лексема «климат» выражает концепт ‘жизнь’. «Мягкий климат» – такой образ жизни, когда люди создают, а не разрушают, только тогда они «красивы». Разрушение того, «чего мы не можем создать», Астров считает «безрассудным варварством» [6, с. 291]. «Человек одарён разумом и творческою силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал» (там же).

Здесь следует отметить, что А.П. Чехов явно различал два типа работы: «работа для себя» и «работа для других». Именно в этом плане противопоставляются образы Астрова и Лопахина (пьеса «Вишнёвый сад»). Лопахин «замучился без дела», он «не может без работы», но это работа «для себя», для собственного обогащения, и сводится она к уничтожению вишнёвого сада, прекрасных цветущих деревьев (вспомним о связи концептов ‘жизнь’ – ‘дерево’, ‘древо жизни’). Такая работа разрушительна, и она по-

лучает ироничную оценку Пети Трофимова (фактически авторскую оценку): «Сейчас уедем, и вы опять приметесь за свой полезный труд». Работа Астрова, не связанная с его профессией, – это спасение деревьев (лесов), это созидательная работа «для других». Отношение к работе сближает образы Ивана Войничского, Сони (пьеса «Дядя Ваня»), Вари, которая «без труда как рыба без воды» («Вишнёвый сад», с. 457). С работой связывают своё будущее герои пьес, которым симпатизирует писатель, например Ирина («<...> я повеселела, стало мне легко, и опять захотелось работать, работать» [6, с. 291]) и Тузенбах («Я увезу тебя завтра, мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут») [6, с. 393])

Итак, в пьесах А.П. Чехова концепт ‘работа’ тесно связан с концептом ‘жизнь’. Жизнь как «существование человека» действительно ничтожна, если человек не находит применение своим способностям и от безделья всюду вносит с собой «скуку, уныние, недовольство» [6, с. 81]. Обществу нужны люди, способные созидать, а не разрушать, и таких людей А.П. Чехов показал в своих пьесах.

Список литературы

1. Ерофеев В.В. Русский апокалипсис: опыт художественной эсхатологии / Виктор Ерофеев. М., Зебра Е, 2006. 320 с.
2. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб, 2004.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: «Восток-Запад», 2007.
4. Словарь русского языка. / В 4-х т. АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1981.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е. М.: Акад. проект, 2001.
6. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 9. Пьесы. ГИХЛ. М., 1956.
7. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892. ГИХЛ. М., 1956.

VERBAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT ‘WORK’ IN A.P. CHEKHOV’S PLAYS

N.N. Lavrova

The article deals with the concept ‘work’ and its relation to the concept ‘life’ in Chekhov’s plays. Both concepts are important for the perception of conceptual information in Chekhov’s works.

Keywords: concept, semantic field, verbal representation of concept, conceptual information.